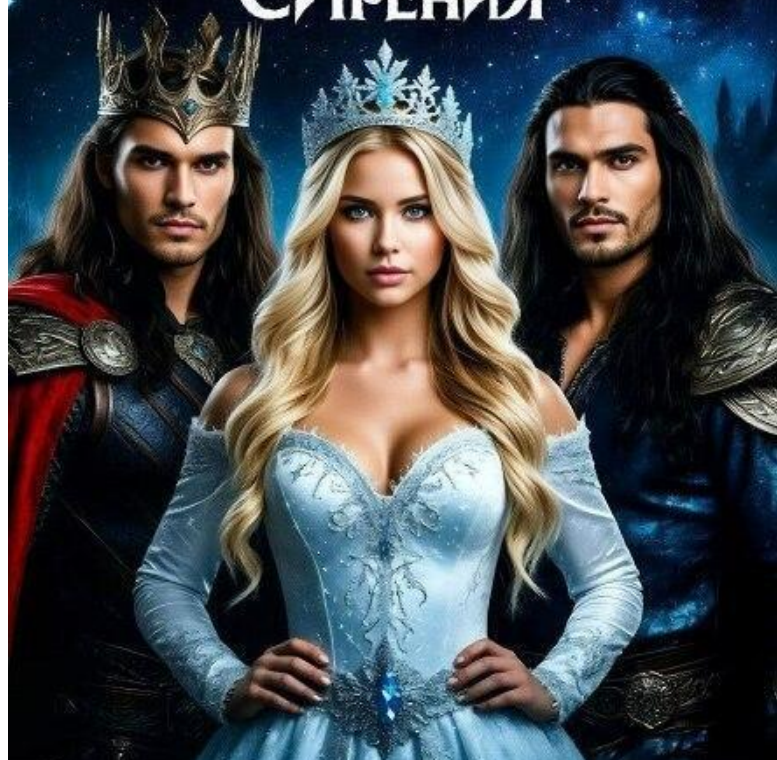

СИРЕНИЯ

ПЫШНАЯ ПРОБЛЕМА
ДЛЯ ДВУХ
ПОВЕЛИТЕЛЕЙ

СИрения - Пышная проблема для двух повелителей

<https://litres.ru/74205643>

Аннотация

Похитить Снегурку на Новый год — казалось бы, что может быть безобиднее? Но два брата-правителя жестоко просчитались. Я — не сказочная дева, а женщина с характером, и в их мире моя внешность сводит с ума. Теперь ледяной маг и повелитель огня, забыв о скуке, ведут настоящую войну за моё внимание. Их вражда раскалывает трон, а их прикосновения заставляют гореть меня. Я должна положить конец этому безумию, но как выбрать одного, если хочешь обоих?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Лариса

Знак приближающейся катастрофы был всего один - впи- вающаяся в бок молния от костюма Снегурочки. Шестой размер груди отчаянно боролся с пятым размером лифа, сшитого для практикантки Кати, которая в последний момент слегла с температурой. Идея нарядить «кого-нибудь» в костюм для создания атмосферы оказалась роковой. Кажалось, сама судьба, в лице менеджера по кадрам Светланы Викторовны, с улыбкой, не предвещающей ничего хорошего, подвела меня к этой стойке с нарядами и указательным перстом, покрашенным в ядовито-коралловый цвет, определила мою участь.

«Дыши, - приказывала я себе, стоя в самом темном углу зала. - Главное - не делать глубокий вдох, а то тресну по всем швам. В прямом смысле». Воздух был густым и сладким от смешения парфюмов, запаха жареной курицы и шампанского. Каждый вздох требовал усилий, словно я дышала не кислородом, а сиропом.

Новогодний корпоратив в «ТехноСервисе» был в самом разгаре, и я чувствовала себя в этом дурацком наряде не просто заложницей, а главным призом в лотерее, который никто не хочет выигрывать. Синий сатин атласной кофточки отчаянно натянулся на груди, а парчовый кокошник давил

на виски, вызывая начинающуюся мигрень. Из колонок лилась какая-то безликая танцевальная музыка, а под ней - гул десятка разговоров, в которых она не участвовала. Этот гул был похож на рой пчел, каждая из которых жужжала о своих мелочных проблемах и сиюминутных радостях, абсолютно чуждых мне в этот вечер.

«Ну вот, Андрей из бухгалтерии уже пятый раз рассказывает про свою лодку. Интересно, он понимает, что всем плевать? А Ольга... Боже, Ольга, хватит уже подмигивать Сергею Петровичу. Он твой взгляд “томной пантеры” воспринимает как симптом отслоения сетчатки», - проносилось в голове. Я наблюдала за этой суетой словно со стороны, через толстое стекло аквариума, где я была нелепой, перекормленной золотой рыбкой, которую вот-вот разорвет от внутреннего давления.

Мой взгляд упал на собственное отражение в темном окне. Костюм, который должен был создавать волшебное настроение, лишь карикатурно подчеркивал все, что так хотелось скрыть. Вместо нежной Снегурки вышла этакая Снежная Баба, готовящаяся к схватке с мужиками за снежную крепость. Румянец на щеках от смущения и духоты казался ей кричаще-ярким, словно меня измазали гуашью. Даже мои собственные волосы, обычно послушные, сегодня выбивались из-под кокошника жалкими, липкими от лака для волос прядями.

- Лар, чего одна стоишь? Иди, танцуй! - Ольга, уже изряд-

но подшофе, схватила ее за локоть. Ее пальцы были липкими от чего-то сладкого, вероятно, от капель засахарившегося коктейля. - Ты же у нас сегодня главная героиня! Снегурка-привлекагурка!

-Да я, знаешь, не очень... костюм жмет, - выдохнула я, чувствуя, как под взглядами коллег швы на плечах натягиваются еще сильнее, превращаясь в тонкие, болезненные струны, впивающиеся в тело.

-А, все понятно! - Ольга многозначительно хлопнула ее по плечу, и взгляд ее скользнул вниз по моей фигуре, задержавшись на тщетно пытающемся сдержать натиск лифе. - Комплексуешь. Зря, милая, мужчины нынче любят... что погорячее. Ты у нас сегодня - жаркая Снегурка!

«Нет, я сегодня - несладкая Снегурка на выданье, которую вот-вот разорвет от внутреннего давления», - ядовито подумала я, чувствуя, как по щекам разливается огненная краска. Ее слова повисли в воздухе, липкие и неприятные, как те самые капли на ее пальцах.

Это был предел. Предел терпения, самоиронии и способности притворяться счастливой участницей этого адского праздника. Я должна была сбежать. Сейчас же. Мне казалось, что еще один такой взгляд, еще одна подобная фраза - и я просто лопну, разлетевшись по этому залу синим сатином и притворным смехом.

-Знаешь, у меня голова раскалывается от этого кокошника, - сказала я, уже не скрывая раздражения, которое копи-

лось во мне весь вечер, как вода за дамбой. - Пойду, сниму это все.

Ольга уже потеряла ко мне интерес, ее взгляд метнулся в сторону Сергея Петровича, который неловко отбивался от ее атак, поправляя галстук. Я, стараясь не делать резких движений, чтобы не порвать ткань, рванула к выходу, чувствуя на себе десяток быстрых, оценивающих взглядов. «Наверное, думают, что я побежала плакать в туалет из-за своего вида. Ну и пусть. Лишь бы отстали». Я почти физически ощущала эти взгляды на своей спине, словно прикосновения холодных, скользких щупалец.

Коридор офиса был пуст и освещен только аварийными светильниками, отбрасывающими на стены длинные, искаженные тени. Тишина после шума зала оглушила, в ушах стоял звон, словно я только что вышла из цеха с промышленным оборудованием. Я зашла в свой кабинет, щелкнула выключателем, и первым делом с диким облегчением сорвала с головы ненавистный кокошник. Он с глухим стуком упал на пол, и я с наслаждением вдохнула полной грудью, впервые за вечер. Затем, повозившись, расстегнула тугую молнию на кофточке и с глухим стоном высвободила из сатинового плена грудь и села за свой стол, чувствуя себя наконец-то собой. Уставшей, голодной и несчастной, но собой. Стол был завален бумагами, на мониторе застыл незавершенный отчет, и эта привычная, рабочая обстановка была в тысячу раз приятнее, чем дурацкий праздник за стеной.

«Вот он, мой Новый год. Одиночество, стены цвета тоски и бутерброд с колбасой», - с горькой иронией подумала я, доставая из сумки заветную пленку с едой. Бутерброд был маленьким, жалким бунтом. Пока все ели канапе, я с наслаждением откусила бы кусок обычного хлеба. Развернула пленку и уже поднесла бутерброд ко рту, как вдруг мой взгляд упал на пустую стену напротив. Там, где обычно висел календарь с видами природы, теперь висело... ничего. Абсолютная, непроглядная чернота. Не просто тень, а нечто плотное, бездонное, словно кусок космоса провалился в офис. Я заморгала. «Переработалась. Голодные галлюцинации. Надо поесть». Я даже протерла глаза тыльной стороной ладони, ожидая, что видение исчезнет.

Но черное пятно не исчезло. Наоборот, оно начало расти, расплываясь по стене, как чернильное пятно на промокашке. Из его центра поползли изумрудные и серебристые искры, складываясь в причудливые, витиеватые узоры, напоминающие то ли древние руны, то ли схемы неведомых процессов. Воздух затрепетал, наполнившись запахом... Озона? Или статического электричества? И еще чем-то неуловимо чужим, холодным, как межзвездный вакуум.

«Это что, новый корпоративный перфоманс? Сергей Петрович решил удивить?» - эта абсурдная мысль пронеслась в голове, пока я сидела, парализованная, с половинкой бутерброда во рту. Разум отчаянно пытался найти рациональное

объяснение, цепляясь за самые нелепые версии, лишь бы не признать очевидного - происходит нечто за гранью понимания.

Пятно превратилось в сияющий портал, испускающий слабый гул, который я ощущала скорее костями, чем ушами. И из его глубины на меня уставились две пары глаз. Одна - холодные, пронзительные, цвета льда, без единой искорки тепла или сочувствия. Другая - пылающие, золотисто-янтарные, полные дикого, необузданного любопытства, словно я была не человек, а редкий, невиданный экспонат.

Я не успела закричать. Не успела даже выронить бутерброд. Из портала вытянулись две пары сильных, совершенно одинаковых мужских рук в обтягивающих темных перчатках незнакомого материала. Одна пара схватила меня за плечи с железной, не оставляющей сомнений хваткой. Другая - обвила бедра, прижимая к чему-то невидимому и неумолимому.

-А вот и наша Снегурка, - прозвучал над самым ухом низкий, бархатный голос, от которого по коже побежали мурашки, смешивая ужас с каким-то первобытным, животным интересом.

И меня рвануло с кресла вперед, навстречу этой ослепительной, пугающей черноте. Мир проплыл перед глазами серым месивом из офисной мебели и синего сатина, валявшегося на стуле, а потом меня поглотили холод и вихрь из звездной пыли. Последнее, о чем я успела подумать, прежде чем сознание поплыло, было с обидной, идиотской ясностью:

«Черт. А бутерброд был действительно вкусный».

Приветствую читателей на страничках моего ромна. Будет очень горячо!

Глава 2

Орлиан

Тишина в Умбросе давила на уши. Не та благоговейная тишина библиотек или святылец, а густая, вязкая, как смола, подавляющая любое проявление жизни. Я стоял у окна своей обсерватории, взирая на пейзаж, знакомый до тошноты: башни из черного камня, вечно сумеречное небо с тучами пепла, равнины без единого яркого пятна. Оттенки свинца, угля и увядшей сирени. Предсказуемо. Статично. Безнадежно. Мое королевство было воплощением порядка, но за эту стабильность оно заплатило душой. Здесь не смеялись до слез, не пели на площадях просто так, от избытка чувств. Даже ссоры здесь были тихими, размеренными, как отлаженный ритуал. Скука была хронической болезнью, и я искал лекарство. Я исчерпал все архивы, все трактаты по магии мироздания, искал ответ в движении звезд и в шепоте теней, но все было тщетно. Мир был безнадежно правильным, и от этого безупречного однообразия сводило зубы.

От нечего делать я запустил сложный заклинательный контур - паутину из чистой магии, раскинутую за пределами нашей реальности. Это была отчаянная попытка, последняя надежда найти что-то, что не подчинялось законам Умброса. Я искал аномалию. Источник хаоса, который мог бы встряхнуть это оцепенение. Я слушал тишину между мирами, вгля-

дывался в бездну, где пляшут ошметки иных измерений, и в течение многих часов не находил ничего, кроме такого же мертвого, предсказуемого хаоса. И вдруг... меня пронзило.

Резкий, визгливый, оглушительный шум. Не физический, а ментальный. Вихрь из чужих, нестройных эмоций: при-
творного веселья, тайной тоски, алкогольного возбуждения, усталости, раздражения, пошлых мыслей и наигранного энтузиазма. Это был какофонический взрыв, обрушившийся на мои чувства, привыкшие к упорядоченному безмолвию. Я вздрогнул и отшатнулся от окна, едва не потеряв концентрацию. Это было омерзительно. И... пьяняще. Как глоток крепкого вина после долгой диеты на воде. Мой разум, изголодавшийся по новым впечатлениям, с жадностью ухватился за этот хаос.

Я сосредоточился, отсекая лишнее. Сквозь магический гам, сквозь этот вихрь из чужих переживаний, пробивалась простая, ритмичная мелодия. И голоса. Множество голосов, скандирующих что-то хором. «Раз-два-три! Елочка, гори!» Я не понял смысла, но уловил общую тональность - коллективный, почти ритуальный восторг. Кто-то добровольно участвует в этом? Меня поразила сама эта идея - массовое, синхронное излучение столь примитивной, но такой мощной эмоции. В Умбросе такое было немыслимо.

И тогда я увидел ее. Образ, просочившийся сквозь щель между мирами, словно луч света в затхлое подземелье. Женщина. Невероятно прекрасная. Щеки, покрасневшие от

настоящего смущения, а не от румян или магических зелий. Пышные формы, стесненные в нелепом синем костюме, сшитом, судя по натянутой ткани, явно не для нее. Золотистые волосы, выбившиеся из-под странного головного убора. Вся ее поза, то, как она съежилась в темном углу, кричала о желании провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться. Но в этом жесте отчаяния и неловкости было больше подлинности, больше настоящей, невыдуманной жизни, чем во всем моем королевстве за последнюю тысячу лет. Она была антитезой всему, что меня окружало.

«Снегурка...» - это слово пришло ко мне из чужих мыслей, как отчетливая подпись под этим живым портретом. Обрывки чужого сознания донесли до меня смысл: некое мифологическое существо, дух зимы, но в этом контексте - просто роль, маска, надетая для какого-то ритуала.

Она была полной. Яркой. Абсолютно чужой. Но в ее глазах, полных обиды и сарказма, в той ядовитой иронии, с которой она наблюдала за происходящим вокруг, был тот самый источник. Источник хаоса и жизни, которую я инстинктивно искал. Она не вписывалась в свой мир так же, как я не вписывался в свой, но ее невписанность была горячеей, трепетной, наполненной кровью и нервами, а моя - холодной и рациональной. Моя логика, мой главный инструмент, мгновенно выстроила безупречную, с точки зрения умбросской науки, цепочку: Этот мир обладает энергией, которой лишен Умброс. Эта энергия концентрируется в существе под назва-

нием «Снегурка». Чтобы изучить феномен, необходим непосредственный доступ к источнику. Следовательно, источник необходимо доставить сюда. Для изучения.

Никаких сомнений в этичности метода у меня не возникло. Это был научный эксперимент. Захват образца. Я видел в ней не личность, а уникальный артефакт, излучающий ту самую «энтропию жизни», что могла бы стать катализатором перемен в моем застывшем мире. Дверь в обсерваторию с грохотом распахнулась, нарушая мои размышления.

- Брат! Ты слышишь? Этот... гам! - ворвался Сезарий, его глаза горели азартом, а пальцы нервно теребили складки темного плаща. Он всегда был более эмоционален, его тяготила наша размеренная жизнь куда сильнее, чем меня, и он, как дикий зверь, чувствовал любую бурю еще до ее начала.

- Я не глух, - холодно парировал я, не отводя взгляда от мерцающего образа. Мне не хотелось делиться своим открытием, но скрыть его было невозможно - энергетический всплеск был слишком мощным.

- Что это? Откуда? Это же... это же весело! - Сезарий подошел ближе, зачарованно глядя на видение, на это окно в другой, шумный и яркий мир. Его привлек не сам образ женщины, а тот эмоциональный фон, что ее окружал - тот самый шум, что резал слух, но манил своей запретной энергией.

«Весело». Да, пожалуй, это то слово. Тот дефицитный ресурс, который мы не производили и не могли произвести. То, чего нам отчаянно не хватало.

- Это аномалия, - поправил я его, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все трепетало от предвкушения. - Высокоэнергетическая, нестабильная. И крайне любопытная. Ее энергетическая сигнатура не соответствует ни одному из известных нам измерений.

- И что будем делать? - в его голосе звучало нетерпение, он уже видел в этом приключение, развлечение, долгожданный сбой в монотонной программе нашего существования.

Я наконец оторвал взгляд от «Снегурки» и посмотрел на брата. В его глазах я увидел то же, что бушевало во мне, - жажду перемен, пусть даже ценой вторжения в чужой мир. Во мне вспыхнула редкая решимость, чувство, которое я почти забыл. Это была не просто исследовательская целеустремленность, это была страсть охотника, учувшего дичь.

- Мы устраним нашу скуку раз и навсегда, - произнес я, и мои губы тронула едва заметная, холодная улыбка предвкушения. - Мы найдем этот источник веселья. И доставим его сюда. Силой. Магия того мира примитивна, она не сможет противостоять нашему вмешательству.

Я повернулся к магическому инструменту, сложному механизму из хрустальных сфер, аркановых рун и светящихся жил чистого эфира. Мои пальцы уже парили над хрустальными шарами, выстраивая расчеты для открытия портала, определяя координаты с хирургической точностью. Мысль о том, что «образец» может иметь собственное мнение, может испугаться, может не желать быть «источником веселья» в

нашем безрадостном мире, даже не посетила мое сознание. В конце концов, разве можно спросить у редкого минерала, хочет ли он быть извлеченным из породы? Ему неведомы наши цели, наши потребности. Его удел - служить прогрессу, пусть даже в качестве объекта изучения. Ее подлинность, ее живая, трепетная неуместность были именно тем, что требовалось Умбросу. И я был намерен это получить.

Глава 3

Сезарий

Адреналин ударил в голову, сладкий и опьяняющий, как крепкое вино. Этот гам, эта энергия, прорвавшаяся сквозь скучную завесу Умброса - вот оно, настоящее! Я влетел в обсерваторию Орлиана, едва не снес дверь с петель. Мое сердце колотилось в такт той дикой музыке, что звенела у меня в крови.

- Брат! Ты чувствуешь? Этот... гам!

Орлиан стоял ко мне спиной, неподвижный, как одна из его статуй. «Я не глух», - бросил он через плечо своим ледяным тоном, которым мог заморозить лаву. Но я-то знал его лучше. В этой ледяной броне появилась трещина. Я это чувствовал. Я подбежал к магическому зеркалу и увидел ее. Ту самую аномалию. И... обомлел.

Это была не просто энергия. Это была она. Женщина. Нет, не так - Женщища! В каком-то дурацком синем костюме, который отчаянно пытался сдержать ее пышные, соблазнительные формы. Ярко-золотые волосы, щеки, покрасневшие от смущения, и взгляд, полный такого сарказма и обиды, что мне сразу же захотелось рассмеяться и в то же время... защитить ее. От кого? От этих придурков в одинаковых одеждах, которые сновали вокруг, не замечая настоящего сокровища.

- Что это? Откуда? Это же... это же весело! - вырвалось у

меня. Я не мог подобрать другого слова. Это был хаос. Это была жизнь.

- Это аномалия, - поправил меня Орлиан, как будто от его сухих слов мир становился интереснее. - Высокоэнергетическая, нестабильная. И крайне любопытная.

«Курьезная», подумал я. Она была восхитительной. Мои пальцы сами по себе сжались в кулаки от нетерпения. Мне нужно было действовать. Двигаться. Что-то делать!

- И что будем делать? - спросил я, готовый хоть сейчас ринуться в бой.

Орлиан медленно повернулся. И я увидел в его глазах тот самый редкий огонь, который он всегда так тщательно скрывал. Он смотрел на меня, а видел, я уверен, решение своей вечной проблемы скуки.

- Мы устраним нашу скуку раз и навсегда, - произнес он, и на его губах играла та самая, едва заметная улыбка, которая появлялась лишь тогда, когда он придумывал что-то по-настоящему гениальное и безумное. - Мы найдем этот источник веселья. И доставим его сюда. Силой.

Мир взорвался красками. Это был не приказ, не холодный расчет. Это был лучший квест, который только мог выпасть на мою долю! Похищение богини из другого мира! Похищение этой румяной, золотоволосой, пышной богини!

- Да! - выдохнул я, и мое тело тут же наполнилось магией, готовой к выбросу. - Я первый!

Я не стал ждать. Пока Орлиан возился со своими расче-

тами, я уже рванул к месту, где энергетический след был самым сильным. Я чувствовал ее, эту «Снегурку», как будто она уже стояла рядом. Ее тепло, ее жизненную силу, ее смущение. Я представил, как мои руки обнимут эти округлые бедра, как я прижму ее к себе, чувственную и испуганную, и унесу прочь от этого серого мира в наш... другой серый мир. Но наш будет лучше. Потому что в нем будет она.

Портал, который начал открывать Орлиан, был аккуратным, слишком правильным. Я впился в него своей собственной магией - грубой, хаотичной, пламенной. Зеленые и серебристые искры его заклинания смешались с моими золотыми и алыми всполохами. Пространство затрепетало и завыло, превращаясь не в ровный круг, а в бушующую воронку.

- Сезарий, идиот, ты все разрушишь! - послышался холодный голос брата, но было уже поздно.

Я видел ее. Через этот разрыв. Она сидела в какой-то маленькой комнате, вся такая растерянная и прекрасная, и держала в руке кусок хлеба с чем-то. Она подняла на меня глаза - огромные, полные шока и непонимания. Это был самый восхитительный взгляд, что я видел в своей жизни.

- А вот и наша Снегурка, - прошептал я, просовывая руку в портал.

Я не просто схватил ее. Я ощутил ее. Ее плечо под моей ладонью было таким теплым, мягким, живым. Через ткань ее одежды я чувствовал исходящий от нее жар. Другая моя

рука обвила ее талию, и я с наслаждением почувствовал, как пальцы утонули в упругой плоти. Боги, она была создана для объятий! Для ласк!

Я рванул ее на себя. Она вскрикнула - коротко, отрывисто, и этот звук застрял у меня в крови, горячий и сладкий. Она влетела в портал, и мир закрутился. Я прижал ее к своей груди, чувствуя, как ее тело бьется в панике, как ее волосы пахнут чем-то чужим и сладким.

Первая мысль, пронзившая мой восторг, была простой и животной: «Я хочу ее. Сейчас. Немедленно». Я хотел сорвать с нее этот дурацкий костюм, коснуться этой кожи, заставить ее забыть обо всем на свете, кроме моих рук. Я хотел услышать, как она стонет не от страха, а от наслаждения.

Портал захлопнулся с оглушительным хлопком, отбросившим нас с ней на холодный каменный пол обсерватории. Она лежала на мне, мягкая, тяжелая, оглушенная. Я не отпускал ее, вдыхая этот чужой, пьянящий запах. Я перевернулся, навис над ней, загораживая ее от брата, который подходил к нам с лицом, выражавшим предельное раздражение.

Она пришла в себя. Ее глаза, теперь я разглядел их цвет - это был теплый синий цвет нашего неба, - метнулись с моего лица на лицо Орлиана и обратно. В них читался ужас, непонимание и та самая колючая обида, что я видел в видении.

- Что... Где я? - прошептала она, и голос ее дрожал.

Я широко улыбнулся ей, самой солнечной и обезоруживающей улыбкой, что у меня была. Я все еще держал ее за

талию, и мне не хотелось убирать руку. Никогда.

- Добро пожаловать в Умброс, Снегурка, - сказал я, и мой голос прозвучал низко и немного хрипло от возбуждения. - Тебе у нас понравится. Обещаю.

Я посмотрел на нее, на ее раскрытые в шоке губы, на грудь, вздымавшуюся в частом, прерывистом дыхании, и мои мысли снова понеслись вскачь. «Она даже пахнет иначе. Сладко. Как тот самый хлеб, что она ела. И так тепло... Я растоплю этот испуг в ее глазах. Я зажгу в них совсем другой огонь».

Это был не просто квест. Это было начало самой увлекательной охоты в моей жизни. И добыча стоила того, чтобы за ней гнаться.

Глава 4

Лариса

Первым пришло осознание холода. Твердый, гладкий лед под пальцами. Нет, не лед. Камень. Темный, отполированный до зеркального блеска, он источал пронизывающую сырость. Потом - запах. Смесь воска, пыли и чего-то острого, электрического, чего я никогда раньше не нюхала. Воздух был неподвижным и густым, им было трудно дышать.

И наконец - боль. Запястье горело, будто его сдавили раскаленными клещами. Плечо ныло. Я лежала в странной, неудобной позе, половиной тела прижавшись к холодному полу, второй - к чему-то твердому, но... теплomu. Память вернулась обрывками. Портал. Руки. Голос: «А вот и наша Снегурка».

Я резко дернулась, пытаюсь отползти, и наконец открыла глаза. Первое, что я увидела, - это паркет. Если это можно было назвать паркетом. Он был сложен из кусков древесины цвета вороного крыла, образующих сложные инкрустированные узлы, которые словно светились изнутри тусклым серебристым светом. Я лежала на полу в центре огромной круглой комнаты.

Комнаты? Это была не комната. Это был зал. Огромный, сводчатый потолок терялся где-то в вышине в полумраке. Стены были уставлены не книжными полками, а... хрусталь-

ными сферами, бронзовыми астролябиями, механизмами из позолоченных шестеренок, тихо пощелкивающими и поворачивающимися сами по себе. В центре стоял массивный стол, заваленный свитками пергамента, а вместо ламп по стенам пылали факелы с холодным, синеватым пламенем. Обсерватория. Я попала в чью-то чертову обсерваторию. И тут я осознала источник тепла у себя за спиной. Я медленно, с нарастающим ужасом, повернула голову.

Прямо на полу, облокотившись на локоть и широко ухмыляясь, сидел тот самый парень с пылающими глазами. Тот, что схватил меня первым. Его золотисто-янтарные глаза сияли таким неподдельным, диким восторгом, будто он нашел под елкой не просто подарок, а целый завод по производству подарков. Его рука все еще лежала у меня на талии, тяжелая и уверенная.

- Ну что, просыпаешься, красавица? - его голос был низким, бархатным, и в нем плескалась неподдельная радость. - Ничего, первое потрясение всегда такое. Главное - не пугаться.

«Не пугаться». Легко сказать. Мое сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть.

Я рванулась прочь от его прикосновения, откатилась по холодному полу и встала на ноги, вернее, на дрожащие подкошенные ноги. И тут я увидела второго. Он стоял чуть поодаль, прислонившись к массивному столу. Скрестив руки на груди, он наблюдал за мной с выражением холодного, по-

чти научного интереса. Тот самый, с глазами цвета арктического льда. Близнецы. Безупречно красивые, с резкими, словно высеченными из мрамора чертами лица, высокие, с плечами, которые не снились ни одному нашему офисному качку. Но если один горел, как костер, то второй был айсбергом. И оба были одеты в какие-то... я даже не знаю, как назвать их одежду. Нечто среднее между камзолами пиратов и роба́ми алхимиков. Из темного, дорогого на вид бархата и шелка, с серебряными застежками.

Их волосы... Они были неестественно яркого, иссиня-черного цвета, отливающего фиолетовым, как крыло ворона. Крашенные. Должно быть, крашенные. Два огромных крашенных атлета в бархатных пижамах похитили меня с корпоратива.

- Где я? - мой голос прозвучал хрипло и тихо. - Что это за место? Кто вы?

Пылающий Близнец легко поднялся с пола, словно гравитация для него была условностью. Он сделал шаг ко мне, все так же улыбаясь.

- Я уже говорил. Умброс. А я - Сезарий. А это, - он кивнул на ледяного Близнеца, - Мой брат, Орлиан.

Орлиан не шевельнулся. Его ледяной взгляд скользнул по мне с головы до ног, анализируя, оценивая. Мне стало так же неловко, как под взглядами коллег, только в тысячу раз хуже.

- Вы... вы меня похитили! - выпалила я, и в голосе зазвучала истерика, которую я пыталась задавить. - Верните меня

обратно! Немедленно!

Сезарий рассмеялся. Звонко, заразительно. Как будто я сказала что-то невероятно смешное.

- Обратно? В тот серый ящик, где все ходят в одинаковых тряпках и хмурятся? Да зачем? Тут куда веселее!

- «Веселее»? - я почувствовала, как по щекам разливается румянец гнева. - Меня выдернули из моей жизни силой! Это преступление!

Тут вмешался Орлиан. Он не сдвинулся с места, лишь его губы чуть тронулись.

- С точки зрения вашего мира - возможно. С точки зрения магической этнографии - это изъятие уникального образца из агрессивной среды для детального изучения.

У меня отвисла челюсть. «Магическая этнография»? «Образец»? Он говорил обо мне, как о бабочке, приколотой к стенке.

- Я не образец! - прошипела я. - Я человек! У меня есть имя! Лариса!

- Лариса, - произнес Сезарий, растягивая мое имя, словно пробуя его на вкус. Мне от этого стало вдруг жарко. - Красиво. Но Снегурка тоже подходит. Ты же была в костюме, мы видели.

Я посмотрела на себя. Я была все в той же майке и юбке, с корпоратива. Костюм Снегурки остался в офисе, на стуле. Слава богу за мелкие благословения.

- Это был корпоратив! - почти взвыла я. - Деньги! Мне за

это платили! Я не настоящая Снегурка!

- Не имеет значения, - холодно парировал Орлиан. - Вы излучали уникальный энергетический след. Сочетание тоски, подавленного гнева и... своеобразного обаяния. Это и привлекло наше внимание.

«Обаяния». Он произнес это слово так, будто говорил о редкой болезни.

- Вы сошли с ума, - прошептала я, чувствуя, как почва уходит из-под ног в прямом и переносном смысле. - Абсолютно ненормальные.

Сезарий снова засмеялся.

-Ну, может, чуть-чуть. Скучно быть нормальным. А ты... ты совсем не скучная. Я это понял, как только тебя потрогал.

Его слова, откровенные и плотские, заставили меня вспыхнуть с новой силой. Я вспомнила его железную хватку, то, как его рука обвила мою талию. Не как охранник хватает нарушителя, а... иначе. Слишком лично.

- Не смейте меня трогать, - сказала я, пытаюсь вложить в голос как можно больше металла, но вышло только жалко и дрожаще.

Орлиан наконец оттолкнулся от стола и сделал несколько шагов ко мне. Он был выше, чем я думала. Его рост и холодная аура заставили меня инстинктивно отступить.

- Призывы и угрозы бесполезны, Лариса, - произнес он, и мое имя в его устах звучало как приговор. - Вы здесь. Пока что - как гость. Или как образец. Это зависит от вас. Реко-

мендую выбрать первый вариант. Он... комфортнее.

«Гость». В логове двух сумасшедших красавцев, которые говорят о магии и образах. У меня закружилась голова.

- Мне нужно... мне нужно присесть, - пробормотала я.

Сезарий тут же оказался рядом, его рука снова легла мне на спину, чтобы поддержать. От его прикосновения по коже побежали мурашки. Он был чертовски красив. И его улыбка была такой искренней, что на мгновение я забыла, что он мой похититель.

- Конечно, конечно! - он повел меня к массивному креслу у стола. - Орри, может, достанешь чего-нибудь выпить? Для успокоения нервов.

Орлиан взглянул на него с нескрываемым раздражением.

- Она не ребенок, Сезарий. И не домашний питомец, которого нужно приручать лакомствами.

- А ты всегда все усложняешь! - огрызнулся Сезарий. - Девушка напугана. Нужно проявить гостеприимство.

Я упала в кресло, чувствуя, как дрожь медленно отступает, сменяясь глухим, ледяным ужасом. Я смотрела на них - на пламенного, импульсивного Сезария и холодного, расчетливого Орлиана. Две стороны одной безумной медали. Они спорили обо мне, как о вещи.

«Господи, - пронеслось у меня в голове. - Они и правда считают, что мое место здесь. И этот... Сезарий. Он смотрит на меня так, будто я не образец, а... десерт».

И самое ужасное было то, что в глубине души, под слоем

паники и гнева, шевельнулось крошечное, дурацкое, непрощенное чувство. После лет безразличия и взглядов, полных жалости, на меня смотрели два таких мужчины. С восторгом. С интересом. С плохо скрываемым желанием.

И этот предательский внутренний голос прошептал: «А что, если они и правда... про мою фигуру? Не как о проблеме, а как о... достоинстве?» Я тут же отогнала эту мысль, чувствуя прилив стыда. Я сошла с ума. Я в шоке. Это стокгольмский синдром на гиперскорости.

- Ладно, - выдохнула я, поднимая на них взгляд. - Допустим, я ваш... гость. Что это значит? Что будет дальше?

Орлиан и Сезарий переглянулись. Между ними пробежала какая-то искра - непонимания? Соперничества?

Сезарий ухмыльнулся еще шире.

-А дальше, Лариса, будет очень, очень интересно.

Глава 5

Орлиан

Она назвала себя Ларисой. Земное, простое имя, лишенное магической подоплеки. Оно странно контрастировало с тем энергетическим штормом, что она принесла с собой. Я наблюдал, как она сидит в моем кресле, сжимая подлокотники белыми пальцами. Дрожь почти утихла, сменившись напряженной готовностью к бою. Как дикое животное, загнанное в угол, но еще не сломленное.

«Образец демонстрирует признаки острого стресса, - методично фиксировал я внутренние наблюдения. - Учащенное дыхание, расширенные зрачки, повышенный румянец на лице и шее. Однако вербальные реакции указывают на сохранение когнитивных функций и наличие чувства юмора, пусть и саркастического».

Сезарий крутился вокруг нее, как навязчивая муха, предлагая то вина, то фруктов, то немедленную экскурсию по замку. Его неумная энергия лишь усугубляла ее смятение. Он видел в ней игрушку, забаву. Я же видел аномалию. И аномалии требуют системного изучения.

- Лариса, - произнес я, заставляя ее взгляд оторваться от Сезария и обратиться ко мне. Ее глаза, цвета теплого ореха, были полны недоверия и вызова. - Вы правильно поняли. Вы находитесь в Умбросе, в нашем родовом замке. Попали вы

сюда вследствие магического вмешательства.

- То есть вас, - бросила она. Острый язык. Я отметил это как положительный признак. Тупость разочаровала бы меня.

- Да. Нас. Мы с братом.

- И что теперь? Вы будете меня изучать? Препарировать?

- в ее голосе снова зазвенели нотки паники, но она их тут же подавила, вцепившись в подлокотники еще сильнее.

- Пока что - наблюдать, - ответил я честно. - Ваша безопасность гарантирована, пока вы не проявите себя как угроза.

Она фыркнула. Неэлегантный, земной звук.

- Угроза? Я? Смотрите, какой грозный образец попался вам - в юбке, вооруженный бутербродом.

Сезарий залился смехом.

- Мне нравится! Прямая. Острая. Орри, она прекрасна!

Я проигнорировал его восторги. Ее ответ подтвердил мою гипотезу: защитная реакция через самоиронию и сарказм. Механизм распространенный среди разумных существ в условиях стресса.

- Угроза может быть разной, - холодно парировал я. - Энергетической, например. Ваше присутствие уже вносит диссонанс в магическое поле замка.

Это была правда. От нее исходили волны - теплые, хаотичные, совершенно не подчиняющиеся известным нам законам. Они были... живыми. Слишком живыми.

- О, простите великодушно, - язвительно сказала она. - Наверное, мое энергетическое поле недостаточно благородное

для ваших аристократических покоев. Может, мне выйти?

Я смотрел на нее, и мой аналитический ум, обычно безупречный и безошибочный, начал давать странные сбои. Я планировал изучать безликую аномалию, источник энергии. Но передо мной была не абстракция. Это была женщина. Очень материальная. Ее пышные формы, которые так комично пытался сдержат тот дурацкий костюм и ткань обтягивала ее полную грудь, подчеркивая каждое движение. Когда она дышала от гнева, ее грудь поднималась и опускалась, заставляя мои пальцы непроизвольно сжаться. Я смотрел на ее руки, мягкие, с ямочками на костяшках, и представлял, каковы они на ощупь. Теплые. Наверняка теплые. Это было... неожиданно. Неуместно.

«Эмоциональная реакция образца провоцирует ответную эмоциональную реакцию у наблюдателя. Необходимо усилить контроль», - мысленно констатировал я, чувствуя, как что-то ледяное и рациональное внутри меня дает трещину.

- Выйти вы не можете, - констатировал я, возвращаясь к фактам. - Портал между мирами стабилен лишь на короткое время. Его повторное открытие требует значительных ресурсов и... веских причин.

- Каких, например? - в ее глазах вспыхнула надежда.

- Например, если образец окажется бесполезным или опасным, - отрезал я.

Надежда погасла, сменившись новым приступом гнева.

-Так я и знала. Лабораторная крыса.

- О, не говори так! - вмешался Сезарий, присаживаясь на край стола рядом с ней. Его бедра почти касались ее колена. Я почувствовал странный импульс оттащить его. - Ты не крыса. Ты... диковинка! Редкая, красивая птичка, залетевшая к нам из другого леса.

- И что, вы собираетесь посадить меня в клетку? - она посмотрела на него, и в ее взгляде было что-то помимо страха. Любопытство? Нет, пока нет. Но зерно было посеяно.

- В клетках скучно, - Сезарий склонился к ней ближе, и его голос стал томным, соблазняющим. - Я предпочитаю, чтобы птички летали ко мне по своей воле.

Ее щеки снова залились румянцем. Она отвела взгляд. Меня раздражала его прямолинейность. Его методы были грубы и неэффективны. Соблазнение? Сейчас? Когда образец дезориентирован и напуган? Это могло привести к непредсказуемым последствиям. К срыву. К истерике. И все же... вид ее смущения, эта игра красок на ее коже... это было интересно. Крайне интересно.

- Довольно, Сезарий, - сказал я, и мой голос прозвучал резче, чем я планировал. - Ты лишь пугаешь ее.

- Я? Пугаю? - он фыркнул. - Это ты тут смотришь на нее, как на насекомое под лупой! Я пытаюсь наладить контакт!

- Твой способ «налаживания контакта» обычно заканчивается разбитой мебелью и слезами.

- А твой - скукой до слез!

Мы замолчали, уставившись друг на друга. Между нами

снова пробежала та самая искра соперничества. Но на этот раз у нее была причина. Причина сидела в кресле и смотрела на нас с открытым ртом.

- Вы... вы спорите? - прошептала она. - Из-за меня?

- Нет, - ответил я одновременно с Сезарием, который сказал: «Да!».

Я сдержал раздражение. Это было непрофессионально. Демонстрировать разногласия перед объектом исследования.

- Мы определяем протокол взаимодействия, - холодно пояснил я. - Для твоего же блага.

- О, еще бы, - она покачала головой, и по уголку ее дрогнувших губ пробежала тень улыбки. Улыбки! В такой ситуации! «Любопытный экземпляр. Очень». - Знаете, на моей работе начальство тоже всегда спорило «для моего же блага». Кончалось это обычно тем, что мне приходилось переделывать одну и ту же работу по пять раз. Так что, если вы не против, я бы предпочла узнать правила игры сразу. Или это тоже слишком сложно для вашего... протокола?

Сезарий снова рассмеялся, смотря на нее с нескрываемым восхищением.

-Боги, она тебя заткнула, Орри! Слышал?

Я слышал. И чувствовал, как что-то внутри меня... откликается на этот вызов. Не гнев. Нет. Нечто иное. Желание парировать. Желание увидеть, насколько острым может быть ее ум. Желание разгадать ее. «Она не должна иметь та-

кую власть. Ни над ним. Ни надо мной. Это всего лишь образец. Аномалия», - твердил я себе. Но когда я смотрел на нее, на ее расправленные плечи и взгляд, в котором страх начал уступать место сарказму, я понимал, что это ложь. Она была не «всего лишь» чем-то. Она была кем-то. И это делало все неизмеримо сложнее. И... интереснее.

- Правила просты, Лариса, - сказал я, и впервые мой голос лишился ледяной отстраненности. В нем появились нотки... вызова. - Вы - наш гость. Вы будете жить в предоставленных вам покоях. Вы будете отвечать на наши вопросы. И мы... мы будем решать, что вы собой представляете. Угрозу, диковинку или нечто большее.

Я видел, как она переварила мои слова. Как ее умственная машина, столь же быстрая, сколь и моя, анализировала ситуацию, ища лазейки.

- А если я откажусь отвечать? - спросила она, испытывая почву.

- Тогда, - мягко сказал Сезарий, все так же улыбаясь, но теперь в его улыбке было что-то хищное. - Мы будем очень, очень стараться вас... уговорить.

Она сглотнула. Но не опустила глаз.

- Понятно, - выдохнула она. - Что ж... Здравствуйте. Мои новые хозяева - два крашенных психопата-близнеца. Добро пожаловать в мою личную сказку.

И в этот момент, к моему глубочайшему изумлению, я почувствовал, как мои собственные губы изгибаются в ответ.

В улыбке. Настоящей.

«Сбой в программе. Полный и абсолютный».

Глава 6

Сезарий

Она была голодна. Я видел это по тому, как ее глаза скользнули к подносу с фруктами, который принес слуга. Видел, как она сглотнула, пытаясь сохранить маску безразличия и гнева. Орлиан со своей «этикой» и «протоколами» мог бы держать ее здесь сутки на хлебе и воде, лишь бы не нарушать ход «наблюдений». Глупость. Голодного зверя не изучишь - он либо сломается, либо набросится. А я не хотел, чтобы она ломалась. И уж тем более не хотел, чтобы она кусалась. Я хотел... другого. Поэтому, едва Орлиан удалился в свои покои, погрузившись в изучение каких-то свитков, что он нашел «интригующими» в контексте ее появления, я взял дело в свои руки.

- Лариса! - окликнул я, подходя к ее креслу. Она сидела, поджав ноги, и смотрела в сияющую сферу на столе, в которой плавали звезды. Настоящие звезды. Но ее взгляд был пустым. Она была не здесь. Она была там, в своем «офисе», с тем бутербродом. - Хватит киснуть. Пойдем, я покажу тебе кое-что получше этих пыльных книг.

Она медленно перевела на меня взгляд.

- Что, уже экскурсия? А протокол взаимодействия? Этикет? - ее голос был усталым и язвительным.

- К черту протокол. Я голоден. А ты, я вижу, тоже. Не

спорь, - я ухмыльнулся, видя, как она хочет возразить, но не может. - Пойдем. У нас на кухне есть кое-что, от чего у тебя глаза на лоб полезут.

Она нехотя позволила мне поднять ее за локоть. Ее рука была мягкой и прохладной. Я почувствовал импульс просто взять ее на руки и понести, как трофей, но сдержался. Слишком рано. Она бы закричала. А может, и нет. В ее глазах, помимо страха и гнева, читалось усталое любопытство. Она была сломлена, но не сломлена окончательно. В ней тлел огонек.

Я провел ее по бесконечным коридорам замка, мимо застывших лиц слуг, которые смотрели на нее с таким изумлением, будто видели призрак. Лариса шла, пряча взгляд в пол, но я видел, как ее глаза цепляются за детали: за витражи, в которых вместо святых были изображены драконы, за ковры из шкур невиданных зверей, за доспехи рыцарей, стоящие вдоль стен.

- И много вы тут... похищаете девушек? - спросила она наконец, когда мы свернули в более уютный, освещенный теплым светом коридор.

- Ты первая, - честно ответил я. - Обычно все само падает к нам в руки. А ты... ты особенная. Мы за тобой поохотились.

Она фыркнула, но не ответила. Мне нравилось, как она фыркала. Это было так... по-земному.

Кухня Умброса была огромным залом с потолками в три

этажа, где сутились десятки поваров и подмастерьев. Воздух гудел от голосов и шипел от раскаленных сковород. Запахи стояли такие густые, что их можно было резать ножом: специи, которые жгли ноздри, дым от древесины редких деревьев, сладкий пар от варившихся сиропов.

Когда мы вошли, вся деятельность замерла. Все устали на Ларису. Она съежилась, пытаясь спрятаться за моей спиной. Инстинктивно. Мне понравилось это чувство - быть ее щитом.

- Разойтись! - крикнул я, и кухня мгновенно ожила, все делая вид, что усердно работают. - Старший повар! Ко мне!

Ко мне подбежал толстяк Абнер, весь в муке и поту.

-Ваша светлость! Чем могу служить?

- Голодны, Абнер. Очень. Принеси всего, что у тебя есть самого вкусного. Экзотического. Чтобы дух захватывало.

Абнер бросил быстрый взгляд на Ларису и кивнул, исчезнув в глубине кухни. Я усадил Ларису за массивный дубовый стол в нише и сел напротив, положив подбородок на сложенные руки.

- Ну? Какие впечатления?

- Большой у вас... пищеблок, - сказала она, оглядываясь. - И шумно.

- Жизнь кипит, - согласился я. - В отличие от библиотеки брата. Там можно сойти с ума от тишины.

Вскоре Абнер и его помощники заставили стол блюдами. Это было великолепно. Пирамиды из фруктов невиданной

формы и цвета - синие, с шипами, оранжевые, пульсирующие мягким светом. Мясо, запеченное в каких-то блестящих листьях, источавших дымный аромат. Сыры, пронизанные жилками, похожими на золото. И хлеб. Теплый, только из печи.

Лариса смотрела на это пиршество с широко раскрытыми глазами. Голод в них боролся с осторожностью.

- Это... все съедобное? - наконец спросила она.

- Абсолютно. Ну, почти. Вот этот, например, - я ткнул пальцем в синий колючий шар, - если разжевать, на несколько часов окрасит язык в фиолетовый цвет. Весело, правда?

Она смотрела на фрукт с недоверием.

- У нас за такое в психушку сажают.

- Скучно у вас, - вздохнул я. - Давай вот это. - Я взял с тарелки плод, похожий на персик, но нежно-серебристого цвета и мягко светящийся. - Лунный нектар. Тает во рту. Попробуй.

Я протянул его ей. Она колебалась, глядя то на плод, то на мое лицо.

- Я... я не знаю.

- Не бойся. Я же пробовал твой бутерброд? Ну, почти. Теперь твоя очередь.

Это подействовало. Она медленно протянула руку и взяла плод. Ее пальцы коснулись моих. Мгновенное, едва заметное прикосновение, но от него по моей коже пробежала волна жара. Она почувствовала это? Судя по тому, как она отдер-

нула руку, наверное, да.

Она осторожно поднесла плод ко рту и откусила маленький кусочек. Ее глаза снова расширились, но на этот раз от удивления и восторга.

- Ой! - вырвалось у нее. Сок серебристого цвета выступил у нее на губах. - Он... он шипит!

- Это пузырьки магии, - пояснил я, завороченно глядя на нее. - Нравится?

Она кивнула, не в силах вымолвить слово, и откусила еще. Больше. Еще. Она ела с жадностью человека, который не просто голоден, а который впервые в жизни пробует настоящую еду. Ее щеки надулись, сок тек по подбородку, и она смешно облизывала губы, пытаясь поймать каждую каплю.

Я смотрел на нее, и мое дыхание перехватило. Я видел, как едят придворные дамы. Они ковырялись в еде, как птички, отодвигали жир, вздыхали о фигуре. Это... это было нечто иное. Это было пиршество. Танец вкуса и удовольствия. Ее губы блестели, глаза сияли, а ее тело, все ее пышные, соблазнительные формы, казалось, расцветало от насыщения. Она была воплощением жизни, плоти, наслаждения. Все, что отрицал Умброс, все, что было запретно и грешно - было в ней.

Я не удержался. Я протянул руку и большим пальцем стер каплю серебристого сока с ее подбородка. Она замерла. Плод застыл у ее рта. Ее глаза, широкие и испуганные, уставились на меня. Мои пальцы прикоснулись к ее коже. Она была та-

кой мягкой. Нежной. Теплой. Горячей.

- Ты... вся перемазалась, - прошептал я, и мой голос прозвучал хрипло. Я не убирал палец. Я водил им по линии ее подбородка, чувствуя подушечкой биение ее крови.

Она сглотнула. Ее губы дрогнули.

-Я... я сама.

- Я знаю, - сказал я. И медленно, давая ей время оттолкнуть меня, я наклонился и слизнул сок с моего пальца, не отрывая от нее взгляда. На вкус он был сладким. Но не таким сладким, как должен был быть. Потому что настоящая сладость была в метре от меня.

Она отпрянула, как ошпаренная, уронив плод на стол.

-Не надо...

- Не надо что? - я наклонился ближе, чувствуя, как меня захватывает этот момент, эта близость. Ее запах - смесь ее духов, пота, страха и того лунного нектара - сводил меня с ума. - Не надо показывать тебе, что ты красива, когда ешь? Что смотреть на тебя - самое большое удовольствие, которое у меня было за последние сто лет?

- Я... я не... - она пыталась найти слова, отползти, но ее спина уперлась в стену. Она была в ловушке. Между мной и каменной стеной.

- Ты не что? Не объект? Не образец? - я говорил тихо, почти вкрадчиво, мои губы были в сантиметрах от ее уха. Я чувствовал исходящее от нее тепло. - Я знаю. Для Орлиана ты загадка. Для меня... ты женщина. Очень, очень реальная

женщина.

Я поднял руку, чтобы коснуться ее щеки, ее волос, чтобы вдохнуть ее запах полной грудью...

- Сезарий!

Ледяной голос, как удар хлыста, разрезал воздух. Я отпрянул, обернулся. В дверях кухни стоял Орлиан. Его лицо было бледным от гнева. Холодный, яростный гнев, который был куда страшнее моих вспышек.

Лариса воспользовалась моментом, чтобы выскользнуть из-за стола. Она стояла, прижимаясь к стене, вся красная, дрожащая, с размазанным по лицу серебристым соком. Она выглядела одновременно испуганной и... возбужденной. Да, я видел это. Ее грудь высоко вздымалась, а в глазах плескалась не только паника.

- Я оставил тебя на пять минут, - произнес Орлиан, и его слова падали, как ледяные иглы. - И ты уже не способен контролировать свои базовые инстинкты?

- Я ее кормил! - огрызнулся я, вставая между ним и Ларисой. - В отличие от тебя, я помню, что у людей есть потребности!

- Потребность в еде - да. А в остальном... - его взгляд скользнул по Ларисе, по ее покрасневшему лицу, по ее сжатым в кулаки рукам, и в его глазах мелькнуло что-то... ревнивое? Нет, не может быть. - Я предупреждал тебя. Она не игрушка.

- А я с тобой не согласен! - крикнул я. - Она не хрусталь-

ная ваза! Она живая! И она хочет есть, пить, чувствовать! Или ты хочешь, чтобы она засохла здесь, как цветок в твоей гербарии?

Мы снова уставились друг на друга. Кухня замерла. Даже котлы перестали кипеть. Лариса смотрела на нас, переводя взгляд с одного на другого.

- Вы... вы всегда так будете? - прошептала она наконец. Ее голос был слабым, но в нем снова появились нотки того самого сарказма. - Спорить из-за каждого моего вздоха?

Орлиан резко выдохнул и провел рукой по лицу. Он выглядел уставшим.

- Лариса, прошу прощения за моего брата. Его поведение неприемлемо.

- А твое? - неожиданно для себя вступилась она. - Оставить голодного человека одного в незнакомом месте - это приемлемо?

Орлиан замер, пораженный. Он явно не ожидал, что она посмеет ему перечить. Мне чуть не сорвался смех с губ. Она была великолепна.

- Ты права, - неожиданно согласился он. Его уступчивость была подозрительной. - Я недооценил ситуацию. С этого момента твои потребности будут учитываться. Но, - его взгляд снова стал ледяным, когда он перевел его на меня. - Процесс адаптации будет проходить в рамках определенных правил. Без... эксцессов.

Он подошел к Ларисе.

-Пойдемте. Я провожу вас в ваши покои. Там вы сможете отдохнуть и привести себя в порядок.

Она колебалась, глядя на меня. В ее глазах была просьба о помощи. И в то же время - страх передо мной. Эта смесь сводила меня с ума.

- Иди, - сказал я ей, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко. - Отдохни. Мы... еще увидимся.

Она медленно кивнула и пошла за Орлианом, не оглядываясь. Но я видел, как ее плечи напряжены, как она сжимает руки в кулаки.

Я остался один на кухне, среди полуобглоданных фруктов и запахов. Воздух все еще был пропитан ее ароматом. Я поднял с пола тот самый серебристый плод, который она уронила. На нем остались следы ее зубов. Я провел по ним пальцем, а потом поднес палец к носу, вдыхая ее запах, смешанный со сладким соком.

«Нет, Лариса, - подумал я, сжимая плод в ладони так, что сок брызнул у меня между пальцев. - Ты не игрушка. Ты приз. И я не отдам тебя брату. Ни за что».

Глава 7

Лариса

Покой, в которую меня привел Орлиан, оказались комнатой. Если, конечно, можно назвать комнатой пространство размером с мой родной офисный этаж, с резным потолком, гобеленами на стенах и камином, в котором спокойно могла бы поместиться машина скорой помощи. Здесь пахло старым деревом, воском и сушеными травами. Было чисто, роскошно и бездушно. Как номер в пятизвездочном отеле, из которого убрали все лишнее, чтобы постоялец не поранился о собственную индивидуальность.

Орлиан оставил меня одну, пообещав прислать служанку и «все необходимое». Я осталась стоять посреди ковра, чувствуя себя абсолютно потерянной. Шок начал потихоньку отступать, оставляя после себя тяжелую, свинцовую усталость. И дикий, непонятный голод. Не физический - тот серебристый фрукт утолил его надолго. А информационный. Эмоциональный. Мне нужно было понять, где я, кто они, и что, черт возьми, происходит.

Я подошла к окну и отдернула тяжелый бархатный занавес. За окном был тот же вечный сумрак, что и в обсерватории. Ни солнца, ни луны, ни звезд. Только тусклый, рассеянный свет, исходящий будто бы от самого неба, окрашивая пейзаж в оттенки серого и лилового. Башни, мосты, кры-

ши... все из темного, почти черного камня. Ни одного огонька в окнах. Ни одного признака жизни. Город-призрак. Или королевство-гробница.

Похолодев, я отпустила занавес. Мне стало страшно. Гораздо страшнее, чем когда эти двое тащили меня через портал. Тогда был адреналин. Теперь оставалась лишь гнетущая реальность: я в западне. В мире, где правят двое сумасшедших, один из которых смотрит на меня как на экспонат, а второй... Второй смотрит так, будто я и есть тот самый ужин, который он заказал.

В дверь постучали. Я вздрогнула, ожидая снова увидеть Сезария с его обжигающими руками и голодными глазами. Но вошла пожилая женщина в строгом темном платье, с лицом, вырезанным из морщинистого дерева. Она несла стопку одежды.

- Одежда для вас, госпожа, - сказала она без интонации, кладя все на гигантскую кровать. - Его светлость Орлиан просил передать, что ожидает вас в библиотеке через час.

И она вышла, не дожидаясь ответа. Слуги здесь, видимо, перенимали манеры хозяев - ни капли тепла.

Одежда оказалась... интересной. Никаких дурацких костюмов Снегурочки, слава богу. Простое платье из мягкой серой шерсти, достаточно свободное, чтобы не сковывать движения, и не вызывающе роскошное. Я скинула свое подобие наряда и надела его. Ткань оказалась приятной на ощупь. Маленькая победа в море абсурда.

Ровно через час я, собрав всю свою волю в кулак, вышла из комнаты. За дверью меня ждал слуга. Он молча проводил меня по лабиринту коридоров до массивных дубовых дверей, инкрустированных серебром.

Библиотека Орлиана была именно такой, какой я ее себе представляла: бесконечные стеллажи до самого потолка, заставленные книгами в кожаных переплетах, тяжелые столы, глобусы незнакомых миров. И тишина. Такая густая, что ею можно было подавиться.

Орлиан сидел за одним из столов, погруженный в изучение свитка. При моем появлении он поднял голову. Его ледяной взгляд скользнул по моему платью, и я поймала в нем что-то вроде... одобрения? Нет, просто констатацию факта: «образец одет соответственно обстановке».

- Лариса. Садитесь, - он указал на стул напротив.

Я села, снова чувствуя себя школьницей у директора.

- Вы хотели меня о чем-то спросить?

- Да. О вашем мире. О событии, в контексте которого мы вас обнаружили. Вы упомянули «корпоратив». И... «Снегурку».

Я смотрела на него, и во мне все переворачивалось. Он был абсолютно серьезен. Он и вправду не понимал.

- Вы... вы что, с луны свалились? - не удержалась я. - Вы не знаете, что такое Новый год?

- Луна? - он нахмурился. - Нет, мы не с луны. Мы в другой плоскости бытия. А о ваших локальных календарных празд-

никах у нас, разумеется, нет данных. Потому я и спрашиваю.

Он говорил так, будто объяснял очевидные вещи ребенку. И в этот момент до меня окончательно дошло: они не при-
творяются. Они **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** не знают. Они не с Зем-
ли. Они даже не с другой планеты. Они... из другого места.
Из другого мира. Магия, порталы, вечный сумрак - это все
было правдой. Меня охватила странная смесь ужаса и дико-
го, почти истерического любопытства.

- Ладно, - вздохнула я, чувствуя, как камень страха внут-
ри меня начинает потихоньку таять, сменяясь чем-то иным.
- Новый год. Это... это самый главный праздник у нас. Ну,
один из самых главных. Он символизирует окончание ста-
рого года и начало нового. Люди собираются вместе, дарят
подарки, запускают фейерверки, наряжают елку... дерево, -
пояснила я, видя его вопросительный взгляд.

- Ритуал поклонения древесному духу? - уточнил он, и в
его глазах вспыхнул научный интерес.

- Нет! Ну... не совсем. Это просто традиция. Ее наряжают
игрушками, гирляндами. Это красиво. Создает настроение.

- Настроение, - повторил он, как будто пробуя новое сло-
во. - И «Снегурка»? Это жрица этого культа?

Я фыркнула. Я не могла сдержаться.

-Нет! Снегурочка - это внучка Деда Мороза. Волшебного
старика, который приносит подарки детям.

Орлиан откинулся на спинку стула, его пальцы сложились
домиком. Он был полностью поглощен.

-Продолжайте. Это крайне занимательно.

И я продолжила. Сначала нехотя, подбирая слова. Потом все быстрее, увлекаясь. Я рассказывала ему про Деда Мороза и Санту, про оливье и мандарины, про бой курантов и шампанское, про «Иронию судьбы» и бессонные ночи с фейерверками за окном. Я говорила о том, как вся страна, кажется, сходит с ума в конце декабря, покупая тонны еды и ненужных подарков. О том, как все друг друга поздравляют, даже те, кто терпеть не может. О смеси суеты, стресса и какого-то детского, наивного ожидания чуда.

Я рассказывала и видела, как меняется его лицо. Ледяная маска научного наблюдателя потихоньку таяла, уступая место искреннему, ничем не прикрытому изумлению. Он задавал уточняющие вопросы, иногда такие наивные, что я снова смеялась.

- И этот... Дед Мороз. Он проникает в жилища через систему вентиляции?

- Нет! Через дымоход! Хотя в современных квартирах...
- я махнула рукой. - Неважно. Главное - он волшебный. Он может.

- А подарки? Он их производит сам с помощью магии? Или существует некая... мастерская?

- Эльфы! У него есть эльфы! - почти взвизгнула я от смеха. Это было сюрреалистично. Я, Лариса Сергеевна, офис-менеджер, объясняю магическому принцу из другого измерения концепцию рождественских эльфов.

- Эльфы, - произнес он задумчиво. - Интересно. А вы лично верите в этого... Деда Мороза?

Вопрос застал меня врасплох. Я замолчала.

- Нет, - наконец сказала я. - Конечно, нет. Я уже взрослая. Но... - я посмотрела в окно, на вечные сумерки Умброса. - Но иногда... иногда очень хочется верить. Что хоть один день в году может случиться чудо.

В комнате воцарилась тишина. Где-то тихо потрескивали поленья в камине.

- Чудо, - тихо повторил Орлиан. Он смотрел на меня не как на образец. И даже не как на интересного собеседника. Его взгляд был... другим. Глубоким. Почти что понимающим. - У нас чудес не бывает. Только магия. А магия - это наука. В ней нет места... иррациональной вере.

- Жалко вас, - вырвалось у меня. - Без веры в чудо жить скучно.

Он снова откинулся на спинку стула, и на его губах появилась та самая, едва заметная улыбка, что я видела в обсерватории.

- Последние несколько часов, Лариса, были многими вещами - шокирующими, нарушающими все правила, хаотичными. Но скучными - точно нет.

В дверь снова постучали. На этот раз без всяких церемоний ее распахнул Сезарий. Он стоял на пороге, растрепанный, с горящими глазами, и держал в руках... огромный ледяной кристалл, внутри которого плясали огоньки.

- Я все слышал! - объявил он. - Про елку и фейерверки! Смотри, Лариса, я сделал тебе гирлянду!

Он потряс кристаллом, и огоньки внутри вспыхнули ярче, заливая комнату разноцветным светом. Орлиан вздохнул с таким видом, будто несет на себе все тяготы мироздания.

-Сезарий, мы беседуем.

- А я что, мешаю? Я участвую! - он подошел к столу и поставил кристалл передо мной. - Нравится? Это же почти как ваши гирлянды? Только лучше, потому что в нем заключена настоящая магия молний!

Я смотрела на него, на его сияющее, восторженное лицо. На Орлиана, который наблюдал за этой сценой с привычным раздражением, но в глазах которого все еще плескалась тень нашего недавнего разговора. И странное дело - мой страх почти исчез. Его сменило нечто иное. Ощущение полной, тотальной нереальности происходящего.

- Спасибо, Сезарий, - сказала я, и мои губы сами растянулись в улыбке. - Это... очень красиво.

Он сиял.

-Видишь, Орри? А ты говорил - «не пугать», «соблюдать дистанцию». А ей нравится!

Орлиан ничего не ответил. Он просто смотрел на меня. И в его взгляде я прочитала то же самое, что чувствовала сама: границы между «образцом» и «исследователем» стремительно рушились. Я перестала быть диковинкой. Я стала... Ларисой. Женщиной, которая рассказала им про Деда Мо-

роза и заставила их задуматься о чуде. И этот предательский внутренний голос, тот самый, что я пыталась задавить, снова зашептал, уже настойчивее: «А что, если они и правда так считают... про мою фигуру? Не как о проблеме, а как о... части этого самого «чуда»?»

На этот раз я его не отогнала. Я позволила этому вопросу повисеть в воздухе. Вместе с разноцветными огоньками в ледяном кристалле и с тишиной, которая уже не казалась такой гнетущей.

Глава 8

Орлиан

Сезарий вломился в библиотеку, как ураган, нарушив ход мыслей, которые выстраивались в стройную, логичную цепь. Его «гирлянда» из пойманных в лед молний была яркой, кричащей, совершенно неуместной и... типично сезарьевской. Он всегда предпочитал действие размышлению, грубую силу – тонкому расчету.

Я наблюдал, как Лариса смотрит на его подарок. Не со страхом, как можно было ожидать. И даже не с вежливой снисходительностью. Нет. В ее глазах читалось настоящее любопытство и... признательность. Ее улыбка, обращенная к нему, была подлинной. И что-то холодное и тяжелое сжалось у меня внутри.

«Эмоциональная привязанность к объекту исследования искажает данные. Необходимо дистанцироваться», - зафиксировал я мысленно, но это не помогло. Картина была слишком яркой: он, сияющий, как его дурацкий кристалл, и она, улыбающаяся ему в ответ. Они выглядели... гармонично. Ее земная, пышная жизненность и его необузданная, пламенная энергия.

- Видишь, Орри? А ты говорил - «не пугать», «соблюдать дистанцию». А ей нравится! - выпалил Сезарий, довольный собой.

Это был последний сигнал. Последнее предупреждение. Если я не возьму контроль над ситуацией сейчас, все выйдет из-под контроля. Сезарий, со своим прямолинейным подходом, просто сметет ее, сломает хрупкие защитные механизмы, которые только начали ослабевать. Или, что еще хуже, она поддастся его напору, и тогда... Тогда я потеряю ее как объект исследования. Навсегда.

- Это потому, что она не понимает последствий твоих действий, брат, - холодно парировал я. - Ее «нравится» основано на невежестве. Наш мир может быть смертельно опасен для неподготовленного существа.

Я видел, как улыбка Ларисы померкла. Хорошо. Пусть немного опасается. Страх – более надежный союзник, чем слепое доверие.

- Опасаться тебя? Или этого мира? - спросила она, и в ее голосе снова зазвучали стальные нотки. Мне это нравилось. Сильный противник всегда предпочтительнее слабого.

- И того, и другого, - честно ответил я. - Но в разной степени. Именно поэтому нам необходим порядок. Протокол.

- Какой еще протокол? - нахмурился Сезарий, чувствуя, что почва уходит из-под ног. - Мы что, на совете магов?

- Мы в ситуации, требующей структуры, - ответил я, вставая и подходя к окну. Я не мог смотреть на них обоих одновременно. - Лариса находится здесь по нашей воле. Ее статус... неопределен. Она гость, но также и источник уникальных данных. Ее безопасность и наша возможность ее изучать

должны быть сбалансированы.

Я обернулся. Они оба смотрели на меня: он – с нарастающим раздражением, она – с настороженным интересом.

- Я предлагаю ввести систему ротации, - объявил я, тщательно выверяя каждое слово. Это был рискованный ход, но единственно верный с точки зрения стратегии. - Неделю Лариса проводит под моим наблюдением. Я буду заниматься ее... академическим образованием. Изучением нашего мира, его законов. Следующую неделю – под твоим, Сезарий. Ты можешь знакомить ее с более... физическими аспектами Умброса.

Я сделал паузу, чтобы они оба осознали смысл. Сезарий просиял. Он увидел в этом свой шанс. Прямой доступ к ней без моего вмешательства. Он уже потирал руки, его взгляд скользнул по фигуре Ларисы с таким откровенным воодушевлением, что мне снова захотелось встать между ними. Лариса же выглядела озадаченной и немного оскорбленной.

-То есть вы теперь будете делить меня, как игрушку? Неделя у умного, неделя у веселого?

- Примерно так, - подтвердил я, игнорирую ее сарказм. - Это наиболее рациональный подход. Это позволит нам обоим проводить свои исследования, не мешая друг другу, и даст тебе возможность всесторонне... адаптироваться.

- Я против! - внезапно взорвался Сезарий. Я ожидал этого. - Целую неделю? Это слишком долго! А если она заскучает с тобой? А если ты ее совсем засушишь своими свитками?

Нет, это несправедливо!

Он подошел ко мне вплотную, его глаза пылали.

- Ты просто хочешь отодвинуть меня! Ты боишься, что она предпочтет меня!

Его слова попали в цель. Точнее, чем он мог предположить. Но я не подал вида.

- Я руководствуюсь логикой, а не детскими амбициями, - отрезал я. - Твоя импульсивность уже чуть не привела к инциденту на кухне. Неделя – разумный срок для сбора данных и выработки у объекта... привыкания.

- Объекта! - передразнил он меня. - Она не объект! Она...

- Она что, Сезарий? - я поднял бровь, бросая ему вызов.
- Закончи мысль.

Он замер, сжав кулаки. Он не мог закончить. Потому что для него она уже была чем-то большим, чем образец, но признаться в этом – значит проявить слабость. Слабость, которой я мог бы воспользоваться.

- Я не хочу, чтобы меня делили, - тихо, но четко сказала Лариса. Мы оба повернулись к ней. Она стояла, выпрямившись во весь свой небольшой рост, и ее подбородок был упрямо поднят. - Я не вещь.

- В данном случае твои желания не являются определяющим фактором, - холодно констатировал я. Это была жестокая правда, но правда. - Это условие твоего пребывания здесь. Принимаешь его – получаешь относительную свободу и безопасность. Не принимаешь... - я сделал многозначи-

тельную паузу. - Тогда твой статус будет пересмотрен в сторону большей изоляции.

Она сглотнула, и в ее глазах мелькнула тень страха. Хорошо. Пусть боится. Но также я видел в них и гнев. Искру сопротивления. И это... это было даже лучше.

- Ладно, - выдохнула она, отводя взгляд. - Как скажете, ваши светлости.

Сезарий взорвался с новой силой.

-Нет! Я не согласен! Это твой план, чтобы отстранить меня! Я тоже нашел ее! Я имею на нее такие же права!

Он был на грани истерики. Идеально. Именно этого я и ждал.

- Хочешь оспорить мое решение? - спросил я, и мой голос стал тихим и опасным. - Формально, старшинство и право окончательного вердикта в вопросах замка – за мной. Но я не тиран. Я предлагаю компромисс.

Оба они уставились на меня.

- Неделя у меня, неделя у тебя, - повторил я. - Но... право первой недели определяем не мы.

Я повернулся к Ларисе.

-Ты выбираешь, Лариса. С кем ты хочешь провести первую неделю? Со мной? - я посмотрел на нее прямо, позволяя ей увидеть в моих глазах не только холодный расчет, но и тот самый интерес, тот самый вызов, что возник между нами во время разговора о чуде. - Или с ним? - я кивнул в сторону Сезария.

В библиотеке повисла гробовая тишина. Сезарий замер с открытым ртом, поняв, в какую ловушку он попал. Он не мог протестовать теперь – это выглядело бы как признание своего поражения заранее.

Это был чистый, отточенный маневр. Я поставил ее в положение силы, дав ей иллюзию выбора. Внезапно она стала не объектом спора, а его арбитром. Это должно было смягчить ее обиду. И в то же время я направил ее решение в нужное мне русло. После нашего разговора, после той искры понимания... разве могла она выбрать его? Его грубые, животные инстинкты после тонкой интеллектуальной игры?

Я смотрел на нее, наблюдая, как в ее глазах борются страх, гнев, обида и... любопытство. Она смотрела на Сезария, на его горящие, умоляющие глаза. Потом на меня – на мое спокойное, выжидающее лицо. Ее губы дрогнули.

-Я... - она замолчала, снова посмотрела на нас обоих. Воздух сгустился, стал тягучим, как мед. «Выбирай, Лариса. Выбирай разум. Выбирай меня».

Она глубоко вдохнула и выдохнула.

-Я выбираю...

Глава 9

Сезарий

Адреналин все еще гудел в висках, горький и пьянящий. Она выбрала его. Орлиана. Этот ледяной чурбан с его «протоколами» и «логикой». Я видел ее взгляд, скользнувший на меня перед тем, как она произнесла его имя. В нем было сожаление. Извинение. Черт возьми, мне не нужно было ее сожаление! Мне нужно было ее тело, ее жар, ее стоны.

Она провела с ним неделю. СЕМЬ ДНЕЙ. Я видел их вместе в библиотеке, их головы, склонившиеся над свитками. Слышал тихий гул его голоса и ее редкие вопросы. Он водил ее по замку, показывая ей дурацкие портреты предков и объясняя устройство магических барьеров. Он обращался с ней как с редкой, но хрупкой безделушкой. А я сходил с ума.

Каждый день я приходил в ее покои. Приносил диковинные цветы, которые тут же вяли от тоски в этой каменной гробнице. Пытался шутить. Рассказывал о самых безумных своих подвигах. Она улыбалась мне. Вежливо. Сдержанно. Как слуга, который терпит назойливого господина. А в глазах у нее была тень той самой интеллектуальной близости, что возникла у нее с моим братом. Эта тень сводила меня с ума сильнее любой моей ярости.

И вот ее неделя с ним закончилась. Сегодня утром Орлиан с той же холодной формальностью, с какой передавал де-

ла управляющему, «передал» ее мне. «Соблюдай протокол, брат. Помни о последствиях». Я чуть не плюнул ему в лицо.

Теперь она была здесь. В моих покоях. Комнаты Сезария были полной противоположностью опочивальне Орлиана. Здесь не было места строгому порядку. Горы подушек на полу, шкуры диковинных зверей, разбросанное оружие, стол, заваленный не книгами, а странными механизмами, кристаллами и сосудами с не до конца понятными даже мне зельями. Воздух был густым и теплым, пах кожей, металлом, дымом и мужским телом.

Лариса стояла посреди этого хаоса, скрестив руки на груди, и пыталась выглядеть спокойной. Но я видел, как быстро дышит ее грудь, как вздрагивают ее ноздри, вбирая новый, чужой запах. Она была в том самом простом сером платье, но здесь, в моем мире, оно выглядело на ней иначе. Оно подчеркивало мягкие изгибы ее бедер, округлость груди. Оно делало ее уязвимой. Доступной.

- Ну что, - сказал я, подходя к ней так близко, что между нами не осталось и сантиметра. Я не прикасался к ней, но чувствовал исходящее от нее тепло. - Скучала?

Она закинула голову, бросая мне вызов. Мне нравилось, когда она это делала.

-По тебе? Признаться, нет. С ним хоть понятно, чего ожидать.

Ее укол был точен. Но сегодня он не сработал.

-Со мной тоже понятно, - прошептал я, и мои пальцы, на-

конец, коснулись ее волос. Они были такими мягкими. Как шелк. - Со мной всегда понятно.

Она вздрогнула, но не отпрянула. Ее глаза, широкие и темные, были прикованы к моим губам.

-Сезарий... я не думаю, что это хорошая идея.

- А я не думаю. Я чувствую, - я провел рукой по ее щеке, по линии челюсти, к шее. Ее кожа была прохладной, но под ней чувствовался жар. Пульс бешено стучал у нее в основании горла. - И я чувствую, что ты тоже хочешь этого.

- Ты не имеешь права... - начала она, но голос ее дрогнул, когда мои пальцы коснулись ключицы.

- Имею, - перебил я ее. Я наклонился ближе, мои губы почти касались ее уха. Я вдохнул ее запах - страх, возбуждение, мыло и что-то неуловимо сладкое, только ее. - Я имею право, потому что я забрал тебя. Потому что я смотрю на тебя и вижу не «образец», а женщину. Красивую. Живую. Горячую. И я умираю от желания прикоснуться к тебе.

Я не стал ждать ее ответа. Я не мог. Я захватил ее губы своими.

Первый поцелуй был шоком. Для нас обоих. Он не был нежным. Он был голодным, требовательным, почти яростным. Я впился в ее губы, заставляя их раскрыться, вторгаясь внутрь, вкушая ее. Она издала тихий, подавленный стон и попыталась оттолкнуть меня, но ее руки уперлись в мою грудь без всякой силы. Ее пальцы сжали ткань моей рубашки.

Я обхватил ее за талию и притянул к себе, стирая последние остатки дистанции. Ее тело прижалось ко мне - пышное, мягкое, идеально подходящее к изгибам моего. Она была такой полной, такой женственной. Я чувствовал каждую ее округлость, каждый изгиб. Мое тело ответило ей немедленной, болезненной готовностью.

- Стой... - прошептала она, разрывая поцелуй. Ее губы были распухшими, влажными. - Мы не должны...

- Должны, - я прервал ее, целуя снова, глубже. Мои руки скользнули вниз, обхватив ее ягодицы, прижимая ее к моему напрягшемуся бедру. Она вскрикнула, и на этот раз в ее крике было не только сопротивление.

Я поднял ее на руки. Она была тяжелой. Настоящей. Я понес ее к груди подушек у камина, не отрывая губ от ее кожи. Я целовал ее шею, ее ключицы, то место, где начиналась грудь. Она задыхалась, ее пальцы впились в мои плечи.

- Я... я не делала этого... давно, - выдохнула она, когда я опустил ее на мягкую кожу.

- Ничего, - я срывал с нее платье. Ткань поддалась с тихим шуршанием. - Я напомним.

И я стал напоминать. Я не был нежен. Я не знал, как быть нежным. Моя страсть всегда была огнем, который сжигал все на своем пути. Но с ней... с ней это было иначе. Да, я был груб. Нетерпелив. Но каждый ее вздох, каждый стон, каждое произвольное движение ее тела были для меня откровением.

Когда она осталась полностью обнаженной передо мной, я замер, чтобы просто смотреть. Свет от камина играл на ее коже, отливая золотом и розовым. Ее грудь, полная и тяжелая, поднималась в такт частому дыханию. Ее живот, мягкий, с легкими растяжками, как свидетельство ее земной, настоящей жизни. Ее бедра, широкие, соблазнительные. Она была воплощением всего, что в Умбросе считалось неправильным, излишним. И она была самой прекрасной вещью, что я когда-либо видел.

- Ты смотришь, - прошептала она, пытаясь прикрыться руками. Ее щеки пылали.

- Да. И не насмотрюсь, - я снова приник к ее губам, но теперь мой поцелуй стал медленнее. Глубже. Мои руки изучали ее тело. Я касался ее груди, чувствуя, как сосок набухает под моей ладонью. Я провел языком по нему, и она выгнулась с тихим стоном.

- Сезарий... - мое имя на ее устах звучало как молитва.

Я не стал медлить. Нетерпение пожирало меня изнутри. Я освободился от своей одежды и снова оказался над ней. Ее глаза были полны страха, но также и ожидания. Темного, пьянящего ожидания.

- Расслабься, - прошептал я, целуя ее веки, ее щеки, ее губы. - Просто почувствуй.

И я вошел в нее. Медленно, давая ей привыкнуть. Она была тугой и горячей. Горячей, как лава. Она вскрикнула, ее ногти впились мне в спину. Боль была острой и сладкой.

- Боже... - выдохнула она, и ее глаза наполнились слезами. Не от боли, я понял. А от переполнявших ее чувств. От освобождения.

Я начал двигаться. Сначала осторожно, прислушиваясь к каждому ее вздоху. Потом все быстрее, сильнее, подчиняясь зову крови. Она отвечала мне, ее бедра поднимались навстречу, ее тело открывалось, принимая меня. Ее стоны становились громче, увереннее. Она забыла о страхе, о стыде, о нашем безумном мире. Были только мы. Огонь и плоть.

Я смотрел на ее лицо, искаженное наслаждением, на ее полуоткрытые губы, на грудь, колеблющуюся в такт нашим движениям. Я чувствовал, как внутри нее все сжимается, готовое к кульминации.

- Кончай со мной, - приказал я ей, и мой голос был хриплым от страсти. - Я хочу это видеть.

И она кончила. С громким, срывающимся криком, который эхом разнесся по каменным стенам. Ее тело затрепетало в моих руках, сжимая меня изнутри с такой силой, что я с трудом сдержал собственный стон. Я продержался еще несколько мгновений, глядя, как волны удовольствия смывают с ее лица все напряжение, оставляя лишь чистое, безудержное блаженство. А потом позволил и себе сорваться в бездну.

Мы лежали, тяжело дыша, сплетенные в клубке конечностей. Пот покрывал наши тела. Запах секса, пота и кожи висел в воздухе, густой и дикий. Я все еще был внутри нее,

чувствуя последние судороги ее тела.

Она лежала с закрытыми глазами. Слеза скатилась по ее виску и исчезла в волосах.

- Что мы натворили? - прошептала она, не открывая глаз.

Я перевернулся на бок, не отпуская ее, и провел рукой по ее мокрому от пота лбу.

-Мы жили, Лариса. Впервые за долгое время... мы оба жили.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. И в ее взгляде не было ни сожаления, ни отвращения. Было изумление. И усталое, счастливое недоумение.

- Да, - тихо согласилась она. - Кажется, так и есть.

И в этот момент, глядя на ее улыбку, я понял, что проиграл. Не Орлиану. А ей. Потому что это уже не была просто охота. Это было нечто большее. И я был в ловушке.

Глава 10

Лариса

Первым ощущением было тепло. Глубокое, разлитое по всему телу, ленивое и сладкое. Как после долгой бани, когда мышцы расслаблены, а мысли текут медленно и вязко. Потом я почувствовала тяжесть. Тяжелую, мускулистую руку, брошенную мне на талию. Горячее дыхание на своей шее. И запах. Пот, кожа, дым и что-то дикое, пряное, что было чистым Сезарием. Память нахлынула, как прилив, и я застыла, не в силах пошевелиться. Картины проносились перед закрытыми веками: его горящие глаза, его грубые ласки, его поцелуи, которые сжигали все мысли. Мои собственные стоны, которые я не могла сдержать. Дикое, животное наслаждение, которое вырвалось из какой-то глубины, о существовании которой я и не подозревала. Я кончила. У него на руках. С криком, в котором было все - и стыд, и освобождение, и какая-то темная, первобытная радость.

«Боже мой. Что я натворила?» Мысль пронзила мозг, острая и холодная, как лед. Я переспала с ним. С тем, кто похитил меня. Кто держал здесь против моей воли. Я отдалась своему тюремщику. Стоило ему прикоснуться ко мне, стоило его губам найти мои, как все мои принципы, весь гнев и страх растворились в этом всепоглощающем пламени. Стыд обжег меня изнутри, жаркий и тошнотворный. Я - Лариса,

женщина, которая гордилась своим умом и силой воли, сломалась за один вечер. Я стала той самой «игрушкой», которой так боялась стать. Он сказал, что я «живая». А я чувствовала себя скорее... побежденной.

Я осторожно, стараясь не разбудить его, приподняла его руку и выползла из-под нее. Холодный воздух коснулся моей кожи, покрытой испариной, и я вздрогнула. Мое тело болело. Приятной, глубокой болью, напоминающей о каждой ласке, каждом толчке. Это воспоминание заставило меня снова сгореть от стыда. И... чего-то еще. Я нашла свое серое платье, смятое на полу, и натянула его на голое тело. Ткань показалась грубой и чужой. Все здесь было чужим. И я сама себе стала чужой. Мне нужно было уйти. Сейчас же. Пока он не проснулся. Пока я не увидела в его глазах того торжествующего удовлетворения, которое окончательно добило бы меня.

Я выскользнула из его покоев в пустой, безмолвный коридор. Каменные стены впитывали каждый звук. Я шла, не зная куда, просто чтобы бежать от того, что произошло. От него. От себя. И вот я снова оказалась в библиотеке. Месте, которое за неделю стало для меня островком относительно спокойствия. Здесь пахло старыми книгами, воском и тишиной. Здесь царил порядок. И здесь был он. Орлиан.

Он стоял у высокого окна, спиной ко мне, глядя в вечные сумерки. Он был неподвижен, как статуя. Я замерла на пороге, не решаясь войти. Что я могла ему сказать? «Простите,

ваш брат только что трахнул меня на полу в его комнате, и мне почему-то понравилось»?

Он, должно быть, услышал мое дыхание или почувствовал мое присутствие. Он медленно обернулся. Его ледяные глаза скользнули по моему лицу, по моим спутанным волосам, по платью, которое я натянула наскоро, и я увидела, как они сузились. Он все понял. С первого взгляда. В его взгляде не было ни удивления, ни гнева. Лишь холодное, безразличное понимание. И что-то еще... Разочарование?

- Лариса, - произнес он своим ровным, лишенным эмоций голосом. - Ты встала рано.

Его слова были такими обыденными, такими спокойными, что мне захотелось закричать. Он смотрел на меня, и мне казалось, что он видит меня насквозь. Видит мое смятение, мой стыд, следы его брата на моей коже.

- Я... я не могла спать, - пробормотала я, опуская взгляд.

- Да, - сказал он. - Понимаю. Первая ночь в новых условиях всегда вызывает... беспокойство.

Он подошел ближе. Он пах холодным воздухом, ментолом и старой бумагой. Его запах был таким знакомым после дикой, животной ауры Сезария.

- И как твои... впечатления? - спросил он, и в его голосе прозвучала легкая, почти неуловимая насмешка. Он знал. Черт возьми, он все знал.

Что-то во мне взбунтовалось. Его холодность, его превосходство. После той бури чувств, что я только что пережила,

его ледяное спокойствие было невыносимым.

- Впечатления? - я заставила себя поднять на него взгляд.
- Что вы хотите услышать, ваша светлость? Что ваш брат - потрясающий любовник? Что я кричала от наслаждения? Вы хотите детальный отчет для ваших «исследований»?

Его губы сжались. В его глазах вспыхнула искра. Не гнева. Нет. Скорее... азарта. Ему понравился мой вызов.

- Мне не нужны такие подробности, - холодно ответил он.
- Поведение моего брата предсказуемо, как восход второго спутника. А твои реакции... - он сделал паузу, и его взгляд скользнул по моей шее, где, я знала, должен был быть синяк от его поцелуев, - ...были статистически вероятны в условиях изоляции и эмоциональной нестабильности.

Его слова ударили меня сильнее, чем любое обвинение. «Статистически вероятны». Он сводил все к сухим данным. Мое падение, мою слабость - к пункту в его исследовании.

- Я ненавижу вас, - выдохнула я, и голос мой дрогнул. - Вы оба. Вы играете мной, как куклами.

- Нет, - он покачал головой и сделал еще шаг ко мне. Теперь мы стояли совсем близко. - Мы предоставили тебе выбор, Лариса. Ты выбрала неделю с ним. И ты... воспользовалась этой неделей по своему усмотрению. Я не могу осуждать тебя за то, что ты поддалась его примитивным, но эффективным чарам.

«Поддалась чарам». Он делал это снова. Превращал мою животную страсть в нечто, лишенное воли. В ошибку в рас-

четах.

- Это были не «чары»! - почти крикнула я. - Это было... я сама не понимаю, что это было!

И тут его выражение лица изменилось. Ледяная маска научного наблюдателя дрогнула, и я увидела в его глазах нечто иное. Ревность. Да, это была она. Голая, неприкрытая, жгучая ревность.

- А что, если бы твой выбор пал на меня? - тихо спросил он. Его голос потерял свою ровность, в нем появились низкие, вибрирующие нотки. - Стала бы ты так же терять голову? Кричать от наслаждения?

Я отшатнулась, словно он ударил меня. Его вопрос повис в воздухе, густой и опасный. Я смотрела на него - на его идеальные, холодные черты, на его губы, которые, я знала, никогда не издают неконтролируемых стонов. И я представила это. Его руки на своей коже. Не грубые и требовательные, как у Сезария, а медленные, изучающие. Его холодный взгляд, темнеющий от страсти. Его тело, прижатое к моему...

Мысль была такой шокирующей, такой запретной, что по моей коже побежали мурашки. Жаркая волна прокатилась по мне, смешиваясь со стыдом и смятением.

- Нет, - прошептала я, но в моем голосе не было уверенности. - С тобой все было бы иначе.

- Иначе? - он поднял бровь. - Или просто... дольше?

Он не стал ждать ответа. Он развернулся и снова подошел к окну, оставив меня одну с бушующими внутри чувствами.

Я стояла, дрожа, глядя на его спину. Стыд, гнев, остатки наслаждения и теперь это новое, щемящее любопытство - все смешалось внутри в один клубок. Я чувствовала себя абсолютно потерянной.

Сезарий разжег во мне огонь. А Орлиан... Орлиан поселил во мне сомнение. И теперь я не знала, что страшнее: пламя, которое сжигает дотла, или лед, который проникает в самое нутро и медленно меняет тебя изнутри.

Я повернулась и выбежала из библиотеки, задыхаясь. Мне нужно было быть одной. Разобраться в этом хаосе. Понять, кто я теперь, после этой ночи. Жертва? Соучастница? Или просто женщина, которая слишком долго была одна и впервые за долгие годы почувствовала себя... желанной?

Глава 11

Орлиан

Тишина библиотеки была обманчивой. Обычно она успокаивала, позволяя утонуть в стройных рядах логики и фактов. Сегодня же она звенела. Звенела эхом ее торопливых шагов, ее сломленного голоса, ее запаха, который она принесла с собой - запах пота, кожи и секса. Запах моего брата. Я стоял у окна, сжимая в руках хрустальную астролябию, и пытался вернуть себе контроль. Контроль над ситуацией. Над собой.

Она пришла сюда. После того, как провела ночь с ним. В ее глазах читалась буря - стыд, гнев, остатки физиологического удовольствия. И я, вместо того чтобы сохранить дистанцию, поддался импульсу. Я спросил ее. «А что, если бы твой выбор пал на меня?»

Глупость. Непростительная слабость. Я выказал свою заинтересованность. Свою... ревность. Я позволил ей увидеть, что она не просто «образец». Что ее выбор, ее тело, ее реакция имеют для меня значение. «Эксперимент вышел из-под контроля. Образец оказывает непредсказуемое влияние на наблюдателя. Необходима коррекция методологии», - зафиксировал я про себя, но это были пустые слова. Сухая теория, которая не могла заглушить жгучую, кислотную эмоцию, разъедающую меня изнутри.

Я видел их в своем воображении. Его грубые руки на ее мягкой коже. Ее тело, выгибающееся под его напором. Ее крик. Мой брат, со своей примитивной, животной страстью, добился за одну ночь большего, чем я за семь дней интеллектуальной близости. Он заставил ее почувствовать. И в этом был его главный козырь.

Но у меня были свои. Я не мог состязаться с ним в грубой чувственности. Это было бы проигрышной стратегией. Мне нужно было атаковать на своей территории. Там, где он беспомощен. В сфере разума. Но не сухого, академического разума, который я демонстрировал ей раньше. Нет. Мне нужна была магия. Иллюзия. Нечто, что затронет не только ее тело, но и душу. То, что он никогда не сможет ей дать.

План сформировался в моей голове мгновенно, с кристальной ясностью. Соблазнить интеллектом. Показать ей, что магия - это не просто грубая сила, как у Сезария. Это искусство. Это поэзия. Это ключ к таким глубинам ощущений, о которых его примитивная плоть не могла и мечтать.

Я послал за ней слугу с лаконичным приглашением: «Есть нечто, что может вас заинтересовать. Библиотека. Закат».

Она пришла. Осторожная, как дикий зверек, помнящий о боли. Она снова была в том сером платье, но на этот раз ее волосы были аккуратно убраны, а на лице - маска отстраненности. Защита. Хорошо. Мне нравилось ломать защиты.

- Вы хотели меня видеть, ваша светлость? - ее голос был холоден и формален.

- Орлиан, - поправил я ее. - В этих стенах формальности излишни. И да. Я хотел показать вам кое-что. То, что не входит в «протокол» изучения нашего мира. Нечто... личное.

Я видел, как в ее глазах вспыхивает любопытство, которое она тут же пытается погасить. Она не доверяла мне. И правильно делала.

- Личное? - она скептически подняла бровь. - Я думала, вы ко всему подходите с научной точки зрения.

- Есть вещи, которые наука не в состоянии полностью объяснить, - сказал я, подходя к одной из стен, заставленной книжными шкафами. - Магия, в своей высшей форме, - это искусство. А искусство обращается к чувствам.

Я провел рукой по резному дубу шкафа, вводя незаметную последовательность магических импульсов. Дерево затрепетало, и стена бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий проход, ведущий вглубь стены. Лариса отшатнулась.

-Что это?

- Моя личная сокровищница, - ответил я. - Библиотека иллюзий. Войдите. Я обещаю, вам не причинят вреда.

Она колебалась, бросая взгляд на дверь библиотеки, как бы оценивая свои шансы на побег. Потом, с решительным видом, кивнула и шагнула в проем.

Комната за стеной была небольшой и круглой. Здесь не было окон. Стены, пол и потолок были отполированы до зеркального блеска и казались сделанными из черного обсидиана. В центре на низком пьедестале лежал единственный

предмет - матовый хрустальный шар размером с человеческую голову.

- Здесь нет книг, - констатировала она, оглядываясь.

- Здесь хранятся не знания, а впечатления, - пояснил я.

- Чистая магия, запечатленная в форме, доступной для восприятия.

Я подошел к хрустальному шару и коснулся его пальцами. Комната погрузилась в абсолютную темноту. Лариса испуганно ахнула.

- Не бойтесь, - сказал я, и мой голос прозвучал в темноте гулко и властно. - Просто смотрите.

Я выпустил в шар первую порцию энергии. Мягкий, золотистый свет заструился из его глубины, вырывая из тьмы очертания ее лица. Потом свет хлынул наружу, и стены комнаты исчезли. Мы стояли на вершине холма, залитого теплым светом не одного, а двух солнц - одного золотого, другого - изумрудного. Под нами простиралась долина, покрытая травой цвета лазури, где паслись существа, похожие на единорогов с крыльями бабочек. Воздух был напоен запахом неизвестных цветов и звуками неземной, мелодичной музыки. Лариса застыла с открытым ртом, ее глаза были полны немого восторга.

- Это... это не настоящее, да? - прошептала она.

- Это память мира, - ответил я. - Мира, который исчез тысячелетия назад. Я поймал его эхо. Это иллюзия. Но ощущения - подлинные.

Я сменил картинку. Теперь мы парили в космосе, среди рождающихся и умирающих туманностей. Раскаленные газы клубились вокруг нас, но не обжигали. Звезды вспыхивали и гасли, как светлячки. Я видел, как она инстинктивно тянется рукой к пролетающему мимо астероиду, и ее пальцы проходят сквозь него.

- Боже, - выдохнула она. - Это так... грандиозно.

- Это лишь пылинка в калейдоскопе мироздания, - сказал я, наблюдая, как отражения далеких галактик пляшут в ее глазах. Я подошел к ней сзади, не касаясь. - Но магия может быть и... камерной.

Я снова изменил иллюзию. Мы оказались в маленьком, уютном саду. Была ночь. В ветвях деревьев светились фонарики, похожие на светлячков. В воздухе витал запах свежескошенной травы, земли после дождя и... мандаринов. Тот самый запах, который она описывала, рассказывая о своем Новом годе. Она обернулась ко мне, и в ее глазах стояли слезы.

- Почему? Зачем ты это делаешь?

- Потому что могу, - честно ответил я. - И потому что хочу, чтобы ты увидела. Увидела, что наш мир... наш я... не исчерпывается камнем и сумраком. Что магия - это не только сила, которая похищает. Это сила, которая способна создавать красоту. Доступную лишь тем, кто способен ее оценить.

Я посмотрел на ее губы, слегка приоткрытые от изумления. На ее шею, где пульсировала жилка. Я не стал целовать

ее. Не стал прикасаться. Вместо этого я создал для нее последнюю иллюзию.

Я сконцентрировался, и из воздуха, прямо перед ней, начали рождаться и складываться в причудливый танец сверкающие частицы. Они образовывали узоры, похожие на морозные цветы на стекле, но только эти цветы светились изнутри и издавали тихий, мелодичный перезвон. Это была музыка света. Магия в ее самом чистом, самом утонченном виде. Она протянула руку, и светящиеся узоры обвилились вокруг ее пальцев, как ручные мотыльки.

- Это... это прекрасно, Орлиан, - прошептала она.

- Это лишь начало, Лариса, - так же тихо ответил я. - Мины, которые я могу тебе показать, ощущения, которые я могу тебе подарить... они лежат за гранью воображения твоего брата. Он может подарить тебе миг животной страсти. Я могу подарить тебе вечность впечатлений.

Я поймал ее взгляд и удержал его. Там было потрясение. Восхищение. И то самое любопытство, которое я стремился разжечь.

- Ты хочешь увидеть больше? - спросил я.

Она медленно кивнула, не в силах вымолвить слово. И я улыбнулся. Холодной, торжествующей улыбкой стратега, который только что переломил ход сражения. Она была очарована. Загипнотизирована. Он владел ее телом на одну ночь. Но я... я только что предложил ей ключ от всех миров. И как любой ключ, его можно было использовать по-разному.

Чтобы открыть дверь. Или чтобы запереть ее навсегда.

Глава 12

Сезарий

Я проснулся от того, что в щель между тяжелыми шторами пробивался мерзкий, унылый свет умбросского «утра». Рука потянулась к тому месту рядом - к теплу, к мягкости, к ней. Встретила лишь холодную, смятую ткань и вмятину на подушке, где пахло ею. Цветами и чем-то сладким, что теперь будет преследовать меня везде. «Сбежала», - пронеслось в голове с едкой обидой. Не «ушла». Именно «сбежала». Как будто то, что произошло между нами, было чем-то постыдным, от чего нужно бежать сломя голову.

Я встал, и тело приятно ныло - приятное напоминание о вчерашнем. О ее гибкости, ее жарких объятиях, о том, как она отвечала мне, сначала робко, а потом с той самой дикой, запятанной глубоко внутри страстью, которую я учуял с первого взгляда. Она пыталась сопротивляться, притворяться, но ее тело не врало. Оно кричало «да».

Я оделся и вышел из покоев, намереваясь найти ее. Может, она в столовой? Или в тех дурацких садах, что Орлиан так лелеет? Я хотел увидеть ее лицо. Хотел, чтобы она покраснела при моем взгляде. Хотел напомнить ей прикосновением о том, как мы провели ночь. Я уже представлял, как она потупит взгляд, а я подниму ее подбородок и поцелую снова, заявляя свои права. Но ее нигде не было. Слуги,

которых я ловил за рукав, отвечали уклончиво. «Госпожа? Не видели, ваша светлость». Вранье. Они все видели. Они просто боялись сказать. Проклиная все на свете, я отправился в единственное место, где она могла быть. В библиотеку. К нему. Конечно. Куда же еще? Я влетел туда, как обычно, сметая на своем пути дверь. И застыл на пороге.

Их не было видно. Но я чувствовал. Чувствовал густой, насыщенный воздух после мощного магического воздействия. Чувствовал легкое покалывание на коже - следы чужой, утонченной магии. Магии Орлиана.

И тут я услышал. Голос. Не ее. Его. Он говорил тихо, почти интимно. Я не различал слов, но тон... Тон был таким, каким он никогда не говорил со мной. В нем были нотки демонстрации. Соблазнения. Он что-то ей показывал.

Яркая, ядовитая вспышка ревности ударила мне в голову. Он знал. Конечно, знал. Он видел ее утром, всю перепачканную мной, и теперь... теперь он действовал. Не кулаками, не страстью. Нет. Он использовал свое главное оружие - интеллект. Свои дурацкие иллюзии и показуху.

«Они слишком много болтают!» - закипело у меня внутри. Пока он шепчет ей на ухо свои заумные фразы и показывает светящиеся картинки, я мог бы уже десять раз заставить ее кричать от наслаждения. Я не выдержал. Я ринулся вперед, к потайной стене в глубине библиотеки, которую он всегда тщательно скрывал. Я знал о ней. Я всегда знал о его маленьких секретах. Я просто никогда не интересовался.

- Орлиан! - заревел я, влетая в его черную, блестящую берлогу. - Хватит мучить девушку своей скучной магией!

Они оба стояли в центре комнаты. Он - спокойный и собранный, с легкой улыбкой на губах. Она - с широко раскрытыми глазами, с румянцем на щеках и таким выражением лица, будто только что увидела самое потрясающее чудо в своей жизни.

Это выражение добило меня. Я видел экстаз на ее лице прошлой ночью. Но это... это было иное. Это было благоговение. Восхищение. И оно было обращено к нему.

- Сезарий, - холодно произнес Орлиан. - Мы заняты. И, как обычно, ты не смог войти, как цивилизованный человек.

- Цивилизованный? - я фыркнул, подходя к ним. Я встал так близко к Ларисе, что наша одежда касалась. Она отпрянула, но я ухватил ее за руку. Ее пальцы были холодными. - Я покажу тебе настоящую магию! Не эти пыльные фокусы! Пойдем, Лариса!

Я потянул ее за собой. Она сопротивлялась.

-Сезарий, подожди! Что ты делаешь?

- Я делаю то, что должен был сделать с самого начала! - огрызнулся я, продолжая тащить ее. - Избавлю тебя от его тлетворного влияния! Он превратит тебя в такую же ледышку, как он сам!

- Оставь ее, Сезарий, - голос Орлиана прозвучал сзади. Он не двигался с места, но воздух вокруг сгустился. - Ты лишь демонстрируешь свою несостоятельность. Если бы ты

мог удержать ее интерес иными способами, ей не понадобились бы мои «пыльные фокусы».

Его слова попали точно в цель. В самое больное место. Я обернулся к нему, выпуская руку Ларисы.

- А ты думаешь, твои картинки могут сравниться с этим? - я рванул рубашку на своей груди, обнажая шрамы от когтей и зубов. - Это - настоящая жизнь! Боль, кровь, страсть! А не выдуманные миры для трусов, которые боятся запачкать руки!

- Есть разница между храбростью и безрассудством, брат, - парировал он. - И, судя по всему, твои «настоящие» ощущения оставили ее достаточно равнодушной, чтобы она прибежала сюда, ко мне, на следующее же утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.